

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" "толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования".

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Вопросы выдворения

Комитет против пыток <1>

<1> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее - Конвенция).

Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: Н.К. против Нидерландов. Сообщение N 623/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 1 мая 2017 г.

Тема сообщения: предотвращение принудительного возвращения; предупреждение пыток.

Вопрос существа: выдворение в Шри-Ланку.

Правовые позиции Комитета: наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для определения того, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что лично данному конкретному лицу будет угрожать подобная опасность (пункт 10.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [3]замечание общего порядка N 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему лично угрожает предсказуемая и реальная опасность <2>. Комитет также напоминает, что, хотя в соответствии с положениями [3]замечания общего порядка N 1 Комитет

правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника (пункт 9) <3> (пункт 10.4 Решения).

<2> См. также сообщение N 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3.

<3> См., например, сообщение N 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, как вооруженными силами, так и полицией, во многих частях страны после завершения конфликта в мае 2009 года <4>. Однако Комитет отмечает, что цель такой оценки заключается в том, чтобы установить, угрожает ли предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению, лично данному лицу (пункт 10.3 Решения).

<4> См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

[3] заявитель утверждает, что в случае его возвращения в Шри-Ланку он будет задержан и подвергнут пыткам. Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что заявитель не представил достоверные доказательства и не смог доказать, что в случае возвращения в Шри-Ланку ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей; и что его утверждения были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешнего положения в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им пятого периодического доклада Шри-Ланки <5>, в ходе которого была выражена серьезная обеспокоенность сообщениями о том, что во многих частях страны после завершения конфликта с "Тиграми освобождения Тамил-Илама" <6> (далее - ТОТИ) в мае 2009 года продолжали иметь место похищения, пытки и акты жестокого обращения, совершаемые государственными силами безопасности Шри-Ланки, включая полицию <7>. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу репрессий в отношении жертв и свидетелей актов пыток и актов похищения и пыток в тайных местах содержания под стражей и запросил информацию о том, проводилось ли оперативное, беспристрастное и эффективное расследование любых таких актов <8> (пункт 10.6 Решения).

<5> См. CAT/C/SR.1472 и 1475.

<6> Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на территории Шри-Ланки.

<7> См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

<8> См. CAT/C/SR.1472, пункты 36 и 42, и CAT/C/SR.1475, пункты 10 и 27.

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он был зарегистрирован в рядах ТОТИ, прошел военную подготовку и принял участие в стычке со шри-ланкийской армией, после чего бежал и вскоре покинул страну; что он участвовал в спортивных мероприятиях, организованных ТОТИ в Нидерландах, и фотографии с этих мероприятий были размещены в сети "Фейсбук"; и что его двоюродный брат был убит в

2006 году из-за его предполагаемых связей с ТОТИ. Комитет также принимает к сведению утверждения о том, что заявитель является молодым тамилем с севера Шри-Ланки, получившим отказ [в предоставлении] убежища, имеющим хорошо заметные шрамы, который будет в принудительном порядке выслан в Шри-Ланку по чрезвычайному паспорту... Комитет отмечает, что в сообщении нет сведений, свидетельствующих о том, что заявитель или члены его семьи играли какую-либо важную роль в ТОТИ или когда-либо имели проблемы с шри-ланкийскими властями. Кроме того, заявитель бежал из рядов ТОТИ и не принимал участия в каких-либо политических протестах, организованных ТОТИ за рубежом. Он утверждает, что получил повестку от армейского командира в 2012 году и что власти пытались узнать информацию о нем; вместе с тем Комитет отмечает, что с 2012 года заявитель не сообщал о каких-либо последующих мерах армии в связи с его неявкой в лагерь или каких-либо последующих запросах о нем (пункт 10.7 Решения).

Что касается смерти двоюродного брата заявителя, то Комитет отмечает, что заявитель не представил никакой информации относительно конкретной роли его двоюродного брата в ТОТИ и никаких сведений о том, как он был убит, и, что наиболее важно, были ли у кого-либо из членов семьи его двоюродного брата или у самого заявителя до того, как он покинул страну, какие-либо проблемы в связи с деятельностью его брата в рядах ТОТИ. Что касается его участия в организованных ТОТИ спортивных мероприятиях в Нидерландах, то Комитет отмечает, что, даже если власти Шри-Ланки смогут установить его личность по немаркированным фотографиям в "Фейсбуке", эти мероприятия не носили политического характера и сами по себе не делают заявителя видным сторонником ТОТИ. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что, даже если заявителя будут проверять в аэропорту из-за его чрезвычайного паспорта или шрамов, не существует никаких доказательств того, что он имеет статус сторонника ТОТИ, в результате которого он может подвергнуться личной угрозе применения пыток со стороны властей (пункт 10.8 Решения).

С учетом вышеизложенного и в свете представленных ему материалов Комитет приходит к заключению, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека <9> по жалобе N 52722/15 "С.К. против России" (вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 14 мая 2017 г.), которым установлено, что административное выдворение заявителя в Сирийскую Арабскую Республику будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. <10>.

<9> Далее также - Европейский Суд, Суд.

<10> Далее также - Конвенция.

Европейский Суд отметил, что "жалоба заявителя в Суд была подана в контексте продолжающихся военных действий в Сирии и, в частности, в его родном городе Алеппо, а также в связи с возможностью того, что он будет призван на действительную военную службу, что увеличит риск для его жизни и здоровья" (пункт 57 постановления).

Суд уточнил, что "если заявитель еще не был выдворен, моментом для оценки следует считать момент рассмотрения дела в Суде... Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств по статье 3 Конвенции в таких случаях заключается в том, что лицо подвергается реальному риску смерти или жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на эти факты, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения. Оценка должна быть сосредоточена на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения в свете общей ситуации в такой стране и на его личных обстоятельствах" (пункт 58 постановления).

Европейский Суд установил, что "стороны не представили каких-либо конкретных доводов и не

представили каких-либо материалов относительно развития ситуации в Сирии за период с конца 2015 года (в особенности с февраля 2015 года, когда было вынесено оспариваемое постановление об административном выдворении) до момента рассмотрения дела Судом... [В] первую очередь именно Власти государства-ответчика должны представить доказательства того, что общая ситуация в Сирии такова, что не требует защиты согласно статье 3 Конвенции" (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что "ситуация с безопасностью и гуманитарная ситуация, а также тип и масштабы военных действий в Сирии резко ухудшились в период между прибытием заявителя в Россию в октябре 2011 года и распоряжением о его выдворении, вынесенным в феврале 2015 года, а также в период между указанным временем и отказом в удовлетворении его заявления о предоставлении временного убежища... [Н]есмотря на соглашение о прекращении военных действий, подписанное в феврале 2016 года, различные стороны военных действий применяли методы и тактику ведения войны, которые увеличили риск жертв среди гражданского населения или были непосредственно направлены против гражданских лиц" (пункты 60 - 61 постановления).

Суд подчеркнул, что "[в] настоящем деле... не были предоставлены какие-либо материалы, которые подтвердили бы, что ситуация в Дамаске достаточно безопасна для заявителя, который утверждает, что он будет призван на действительную военную службу, или что заявитель может выехать из Дамаска в безопасный район Сирии" (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что "...выдворение заявителя из России в Сирию на основании постановления от 26 февраля 2015 г., оставленного без изменения в результате апелляционного рассмотрения, будет составлять нарушение статей 2 и 3 Конвенции" (пункт 63 постановления).

Заявитель также утверждал, что у него отсутствовали эффективные средства правовой защиты в нарушение статьи 13 Конвенции.

Суд установил, что "источником оспариваемого вмешательства является судебное решение, назначившее наказание в виде административного выдворения... [О]бычное обжалование наказания в виде выдворения, назначенного судом первой инстанции, имело автоматическое приостанавливающее действие в соответствии со статьей 31.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ)... в том смысле, что в силу закона (и без оставления вопроса на усмотрение внесудебного или судебного органа) выдворение не подлежит осуществлению до истечения установленного законом срока для обжалования или до тех пор, пока не будет вынесено апелляционное решение по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП. Нет оснований полагать, что указанное положение является недостаточно очевидным и точным или что оно было неправильно истолковано или применено в большинстве случаев... Таким образом, заявитель был защищен от выдворения в силу статьи 31.2 КоАП до 4 марта 2015 г., когда Верховный [С]уд Республики Дагестан оставил в силе наказание в виде административного выдворения" (пункт 80 постановления).

Суд отметил, что "КоАП предусматривает пересмотр окончательных решений в областном суде, а затем в Верховном [С]уде РФ в соответствии со статьей 30.12 КоАП... Однако представляется, что только прокурор может ходатайствовать о приостановлении действия статьи 31.6 КоАП... и что такое приостановление не является "автоматическим". Следовательно, процедура пересмотра в областном суде и Верховном [С]уде РФ не является "эффективным средством правовой защиты" для целей статьи 13 Конвенции в контексте жалобы, возникающей по статьям 2 и 3 Конвенции" (пункт 81 постановления).

Европейский Суд установил, что "Власти государства-ответчика не ссылались на положение КоАП или какое-либо другое нормативное положение, которое потребовало бы изучения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции, в случаях, связанных с назначением наказания в виде административного выдворения... [Т]еоретически некоторые разбирательства по КоАП не исключают возможность рассмотрения рисков, связанных со статьями 2 и 3 Конвенции" (пункт 82 постановления).

Суд подчеркнул, что "[н]езависимое и тщательное изучение" также подразумевает, что средство правовой защиты способно обеспечить защиту от выдворения в случаях, когда такое тщательное изучение раскрывает существенные основания полагать, что существует реальная опасность жестокого обращения, с которой ответчик столкнется в случае назначения и исполнения наказания в виде принудительного выдворения. Состояние национального законодательства и судебной практики не является очевидным в вопросах, касающихся обеспечения надлежащей защиты путем отказа или отмены постановления об

административном выдворении в делах о миграции, если, как в настоящем деле, иностранному гражданину назначено обязательное наказание в виде выдворения и он подвергается риску смерти или жестокого обращения в стране его гражданства" (пункт 83 постановления).

Суд установил, что "в 2013 году в КоАП были внесены изменения, согласно которым административное выдворение стало обязательным наказанием за некоторые правонарушения, в том числе по части 1.1 статьи 18.8. Власти утверждали, что заявитель был привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное в 2012 году. Действительно, суд первой инстанции постановил, что наказание в виде административного выдворения является необязательным. Однако апелляционный суд скорректировал это мнение, посчитав, что наказанием за правонарушение, в отношении которого заявитель был признан виновным, является штраф и административное выдворение... Как было ясно указано апелляционным судом в деле заявителя по КоАП... заявитель был признан виновным по пункту 1.1 статьи 18.8 КоАП, который был внесен в КоАП в 2013 году, и предусматривал два обязательных наказания: штраф с административным выдворением. Таким образом, Суд не убежден, что суды имели возможность учитывать аргументы, касающиеся статей 2 и 3 Конвенции, при назначении наказания и, следовательно, обеспечить защиту. Другими словами, исходя из представленных материалов у Суда нет оснований полагать, что национальные суды могли отказаться от наказания в виде административного выдворения по причине убедительности аргументов, относящихся к статьям 2 и 3 Конвенции. Поэтому в то время, когда заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, у суда не было иного выбора, кроме как назначить это наказание, независимо от действительности аргументов, связанных со статьями 2 или 3 Конвенции" (пункт 85 постановления).

Что касается приостанавливающего действия до вынесения решения по заявлению о временном убежище, Суд не был убежден доводами Властей о том, что "разделы 10, 12 и 13 закона "О беженцах", независимо от их толкования по отдельности или совместно, предусматривают, что ожидающее рассмотрения заявление о временном предоставлении убежища имеет "автоматическое приостанавливающее действие" в отношении оспариваемой меры, в частности, вступившего в силу решения об административном выдворении в настоящем деле. Статья 10 Закона касается исключительно процедуры получения статуса беженца и не относится к процедуре предоставления временного убежища... Статья 12 Закона прямо затрагивает последнее, но применяется только в тех случаях, когда лицу уже предоставлено временное убежище. В отличие от пункта 1 статьи 10, статья 12 не гласит и даже не подразумевает, что выдворение недопустимо, пока заявление находится на рассмотрении миграционного органа. Наконец... статья 13 описывает обстоятельства, при которых выдворение осуществляется после неблагоприятного исхода по заявлению о статусе беженца" (пункт 89 постановления).

Суд также отметил, что "[в] КоАП, который был правовой основой для назначения оспариваемого наказания в виде административного выдворения, не содержалось положения о приостановлении его исполнения в связи с находящимся на рассмотрении заявлением о предоставлении временного убежища. Власти не представили документ, подтверждающий довод о том, что исполнительное производство в отношении наказания в виде административного выдворения было приостановлено в связи с заявлением о предоставлении временного убежища, поданным в мае 2015 года. Например, нет никаких указаний на то, что была выполнена какая-либо соответствующая оценка и какое-либо соответствующее решение было принято службой судебных приставов или другим компетентным органом" (пункт 90 постановления).

Суд также установил, что "судебный пересмотр в этой ситуации с сентября 2015 года регулируется Кодексом административного судопроизводства (КАС) [Европейский Суд не посчитал], что КАС... обеспечивает "автоматическое приостанавливающее действие", особенно, в случаях, когда, как в настоящем деле, судебное решение о наказании в виде административного выдворения уже вступило в силу" (пункт 91 постановления).

Суд заключил, что "хотя успешное рассмотрение заявления о предоставлении временного убежища окажет приостанавливающее действие в отношении исполнения наказания в виде административного выдворения, в настоящем деле заявителю было отказано в предоставлении временного убежища и, таким образом, он не добился приостанавливающего действия в отношении вступившего в силу наказания в виде административного выдворения" (пункт 94 постановления).

Суд также отметил, что "заявление о временном убежище было отклонено со ссылкой на ряд факторов (неисполнение обязательства покинуть Россию в 2012 году; неисполнение обязательства по своевременному обращению с заявлением о предоставлении убежища; продолжение незаконного пребывания и незаконной трудовой деятельности в России; а также судебное преследование по делу об

административном правонарушении), которые не имели отношения к вопросам статьи 3. Поэтому внутренняя оценка была основана на соображениях, которые не относятся к "тщательному изучению", требуемому в соответствии со статьей 3 Конвенции в таких случаях" (пункт 98 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что "имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьями 2 и 3 Конвенции" (пункт 99 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на то, что его непрерывное длительное содержание в специальном учреждении было произвольным и не являлось необходимым ввиду того факта, что его выдворение в Сирию было и остается неосуществимым. Он также жаловался на отсутствие процедуры пересмотра его непрерывного содержания в специальном учреждении.

Суд отметил, что "у заявителя была возможность обжаловать содержание в специальном учреждении в качестве части постановления от 26 февраля 2015 года, когда он обжаловал данное постановление по существу. Однако это было бы связано с его содержанием в специальном учреждении до 4 марта 2015 г., когда апелляционная жалоба была рассмотрена... [С]удебный пересмотр такого рода, требуемый согласно пункту 4 статьи 5, не может считаться включенным в первоначальное решение о помещении в специальное учреждение от 26 февраля 2015 г. Суть жалобы заявителя на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции заключалась не в оспаривании первого решения о его помещении в специальное учреждение, а в отсутствии у него возможности добиться судебного пересмотра вопроса о содержании его в специальном учреждении по истечении определенного времени" (пункт 104 постановления).

Европейский Суд также установил, что "[в] силу пункта 4 статьи 5 заявитель имел право обратиться с ходатайством в компетентный "суд" для "безотлагательного" решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы "правомерным" в свете новых факторов, возникших уже после вынесения первого решения о помещении его в специальное учреждение" (пункт 105 постановления).

Суд подчеркнул, что "[н]и КоАП, ни какое-либо другое применимое законодательство не предусматривали процедуру, позволяющую заявителю "принять участие" в пересмотре его содержания в специальном учреждении, и добиться освобождения... КоАП не предусматривал процедуру, согласно которой содержание в специальном учреждении будет автоматически пересматриваться через определенный срок" (пункт 106 постановления).

Суд отметил, что "процедура в соответствии со статьей 30.12 КоАП для дальнейшего пересмотра судебных и апелляционных решений в деле об административном правонарушении была доступна заявителю в любое время, и в отношении нее не действовали ограничения по времени. Однако это лишь косвенно касалось вопроса о содержании в специальном учреждении, в той степени, в какой пересмотр обвинения в административном правонарушении может привести к отмене наказания в виде выдворения, тем самым устраняя основания для содержания заявителя в специальном учреждении в целях его принудительного выдворения. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что суд, осуществляющий пересмотр, будет компетентен рассматривать "новые обстоятельства", упомянутые Властями, поскольку это выходит за рамки окончательных решений, принятых судами первой инстанции и апелляционными судами" (пункт 108 постановления).

Суд заключил, что "заявитель в данном деле не имел в своем распоряжении процедуры судебного пересмотра законности его содержания под стражей. Соответственно... имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции" (пункт 109 постановления).

Европейский Суд также заключил, что "для государственных органов должно было быть достаточно очевидным уже в феврале и марте 2015 года, что выдворение заявителя было практически неосуществимо и оставалось бы маловероятным ввиду обострения конфликта в Сирии... В этих обстоятельствах национальные органы власти должны были рассмотреть альтернативные меры, которые могут быть приняты в отношении заявителя... Однако, как только было вынесено предписание о размещении заявителя в специальном учреждении временного содержания для иностранных граждан 26 февраля 2015 г., вопрос о содержании под стражей не был и, как установлено выше в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, не мог быть пересмотрен, в частности, относительно того, было ли целесообразным обеспечить его выдворение в Сирию... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункты 115 и 117 постановления).

Решение Европейского Суда по жалобе N 32779/15 "М.С.С. против России" (решение вынесено и вступило в силу 23 марта 2017 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба Шаюсупова М.С., на предполагаемую угрозу его административного выдворения с территории России в Узбекистан в нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель жаловался, что в случае его выдворения в Узбекистан он подвергнется опасности жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

Заявитель просил применить правило 39 Регламента Европейского Суда, чтобы предотвратить его высылку в Узбекистан. Он утверждал, что он может быть депортирован в Узбекистан в любой момент, поскольку отказы в предоставлении статуса беженца и временного убежища вступили в силу, а апелляционная жалоба на решение о депортации не была приостановлена (пункт 22 решения).

Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не подвергался риску немедленной принудительной высылки в Узбекистан, поскольку его экстрадиция в Узбекистан была отменена по истечении срока исковой давности для уголовного преследования, а депортационное или административное разбирательство в отношении заявителя в России не было инициировано (пункт 32 решения).

Власти также утверждали, что неспособность заявителя легализовать свое пребывание в России обычными способами (путем получения визы, разрешения на временное проживание или вида на жительство) представляет собой неисчерпание внутренних средств правовой защиты, а отсутствие финансовых средств не могло рассматриваться, как обоснованное оправдание отказа от этих средств правовой защиты (пункт 33 решения).

Европейский Суд отметил, что "стороны не оспаривают то, что заявитель был обвинен в совершении религиозных и политически мотивированных преступлений в Узбекистане, и поэтому принадлежит к уязвимой группе, которая подвергается реальной опасности обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в случае высылки в Узбекистан" (пункт 37 постановления).

Суд также отметил, что "при текущем положении дел, экстрадиция заявителя исключается из-за запрета на его уголовное преследование в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, никаких других судебных разбирательств касательно высылки в отношении заявителя не проводится, а неисполненные распоряжения о высылке отсутствуют" (пункт 38 решения).

Европейский Суд установил, что "письмо ФМС <11>..., на которое ссылается заявитель, не может быть принято в качестве доказательства намерения органов власти использовать эти процедуры, поскольку это само по себе не подлежит исполнению... [Р]оссийские органы власти не предприняли никаких мер по высылке заявителя в период с 22 июня 2015 года (дата принятия окончательного решения о предоставлении временного убежища) по 6 июля 2015 года (дата принятия обеспечительной меры Судом), хотя ничто не мешало им это сделать" (пункт 39 решения).

<11> "15 октября 2014 года ФМС Ивановской области сообщила заявителю, что "лицо, исчерпавшее все инстанции для подачи апелляционной жалобы... и которое отказывается от добровольного выезда из России в течение трех дней с момента получения [окончательного] постановления, будет выслано или депортировано в административном порядке" (пункт 12 решения).

Суд подчеркнул, что "судебное разбирательство по вопросу депортации может быть открыто лишь в случае неспособности заявителя легализовать свое пребывание в России... С 2012 по 2014 год заявитель законно проживал в России на основании его регистрации в качестве мигранта и возобновляемого разрешения на работу... ФМС... предложила заявителю продлить миграционную регистрацию в качестве первого шага к легализации его пребывания в России... Учитывая, что миграционная регистрация является необходимым условием получения разрешения на работу и вида на жительство, Суд считает, что действия, предпринятые национальными органами власти, пока не свидетельствуют о намерении выслать заявителя из России" (пункт 40 решения).

Суд установил, что "заявитель не подвержен опасности незамедлительной принудительной высылки в Узбекистан. Таким образом, жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции является явно необоснованной" (пункт 41 решения).

Обращаясь к жалобе заявителя согласно статье 13, Европейский Суд напомнил, что "в соответствии с постоянной прецедентной практикой статья 13 применяется только в том случае, если у лица есть "небезосновательная жалоба" на то, что он стал жертвой нарушения конвенционного права... Из этого следует, что, поскольку у заявителя нет небезосновательной жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, его жалоба по статье 13 также неприемлема" (пункт 42 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что "жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции" (пункт 43 решения).

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдворения также поступило решение об исключении жалобы заявителя из списка подлежащих рассмотрению дел N 34387/16 "М.М. против России" (решение вынесено 19 января 2017 г.).

Условия содержания в местах лишения свободы

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было установлено нарушение положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 "Федорин против России" (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено ниже)), N 41858/08 "Идалов против России (N 2)" (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г. (приведено ниже)), N N 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 "Музыченко и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N N 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14, 18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 "Мальков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.).

См. также нижеприведенное Соображение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла.

В сфере семейно-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам ребенка <12>

<12> Комитет по правам человека действует на основании Конвенции по правам ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее - Конвенция). Российская Федерация является государством - участником указанной Конвенции в качестве государства - продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией N 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 20 декабря 2017 г. Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений.

Сообщение: Х.А.Б.С. против Коста-Рики. Сообщение N 5/2016. Решение принято Комитетом по правам ребенка (далее - Комитет) 17 января 2017 г. <13>

<13> 2.1 Сыновья автора, А.Б.Х. и М.Б.Х., родились в Калифорнии (Соединенные Штаты) в результате экстракорпорального оплодотворения донорской яйцеклетки спермой автора. Беременность вынашивала суррогатная мать. 2 мая 2014 года Верховный суд Калифорнии объявил автора единственным законным родителем близнецов, которые должны были родиться, и предоставил ему исключительные родительские права, отказав суррогатной матери в статусе законной матери в соответствии с договором, подписанным между ней и автором.

2.2 В свидетельстве о рождении, выданном в Соединенных Штатах, обоим сыновьям автора были присвоены две фамилии: первая фамилия автора и девичья фамилия донора яйцеклетки. В указанном свидетельстве автор был записан как "отец", а графа "мать" была оставлена пустой. Автор отмечает, что соглашение о донорстве яйцеклетки содержало положение, согласно которому личность донора остается конфиденциальной. Однако она раскрыла автору свою личность и оставила детям возможность связаться с ней, когда им исполнится 18 лет, если они этого захотят.

2.3 22 июля 2014 года автор и оба его сына въехали в Коста-Рику с паспортами Соединенных Штатов. 30 июля 2014 года автор ходатайствовал о регистрации своих сыновей в Отделе записи актов гражданского состояния Верховного суда по избирательным делам Коста-Рики. В своем решении от 19 августа 2014 года Отдел записи актов гражданского состояния постановил зарегистрировать родившихся мальчиков под обеими фамилиями автора согласно Гражданскому кодексу Коста-Рики и в тот же день сообщил автору о принятом решении.

2.4 Автор подал апелляцию на решение Отдела записи актов гражданского состояния, которая была отклонена 3 октября 2014 года Верховным судом по избирательным делам, который заявил, что, хотя сыновья автора родились и были зарегистрированы в соответствии с нормами Соединенных Штатов, это не обязывает государство Коста-Рика регистрировать их аналогичным образом, поскольку существуют национальные нормы, обязательные к исполнению. Суд счел, что, поскольку личность матери не установлена, то единственным приемлемым решением с юридической точки зрения является применение по аналогии процедуры, предусмотренной в Гражданском кодексе в отношении детей, рожденных вне брака [согласно статье 52 Гражданского кодекса Коста-Рики, детям, рожденным вне брака, присваиваются обе фамилии матери], и присвоение сыновьям обеих фамилий отца.

2.5 19 декабря 2014 года Конституционная палата Верховного суда отклонила ходатайство автора, представленное в порядке ампаро, также сочтя, что нормы страны происхождения детей не являются обязательными для государства Коста-Рика, поскольку в нем действуют собственные нормы регистрации рождений, обязательные к исполнению. Кроме того, Суд заявил, что в любом случае нарушение какого-либо права отсутствует, поскольку автору не было отказано в регистрации сыновей как костариканцев" (пункты 2.1 - 2.5 Решения).

Тема сообщения: регистрация рождения в Отделе записи актов гражданского состояния.

Правовые позиции Комитета: согласно статье 7 Конвенции, применение государствами-участниками права на имя должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством (пункт 4.2 Решения).

Комитет указывает, что толкование или применение национального законодательства является прерогативой государственных властей, если только такое толкование или применение не носит явно произвольный характер или представляет собой отказ в правосудии. В данном случае довод автора о наличии противоречий во внутреннем законодательстве ничем не мотивирован и, следовательно, не может служить основанием для констатации произвольности или отказа в правосудии со стороны национальных властей (пункт 4.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению решение костариканских властей, согласно которому регистрация детей в Отделе записи актов гражданского состояния должна осуществляться в соответствии с критериями, установленными в Гражданском кодексе Коста-Рики, независимо от критериев, применяемых в стране рождения... Комитет считает, что автор не представил убедительных доказательств того, что присвоение его сыновьям обеих фамилий отца согласно костариканскому законодательству является препятствием к полному знанию ими своего биологического

происхождения и к реализации ими своего права на индивидуальность (пункт 4.2 Решения).

Что касается заявлений автора о невозможности возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния, то Комитет отмечает, что автор мог обжаловать это решение и прибегнуть к процедуре ампаро <14> в Верховном суде. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не обосновал, в какой степени невозможность возразить против решения Отдела записи актов гражданского состояния до его принятия нарушила права его сыновей, закрепленные в Конвенции (пункт 4.4 Решения).

<14> Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

Выводы Комитета: Комитет объявляет это сообщение [явно] необоснованным и неприемлемым согласно подпункту f) статьи 7 Факультативного протокола (пункт 4.4 Решения).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, которыми было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, содержащихся в соответствующий период в местах лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских дел.

Постановления Европейского Суда по жалобам N N 46892/09, 17041/10, 23559/10, 72268/10, 29897/11 "Бирюков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 2421/13, 6069/13, 8299/13, 19288/13, 22285/13, 31713/13, 41291/13, 45958/13 "Михайлов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 36907/12, 40782/12, 42855/12, 42940/12, 43317/12, 68297/12, 72157/12 "Орлов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N N 11127/08, 4100/11, 8795/11, 25158/11, 27653/11, 12247/12, 31488/12, 32000/12 "Побережьев и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.) и N N 47485/11, 51072/11, 52914/11, 53528/11, 68515/11, 5508/12, 6205/12 "Фролов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Защита права на жизнь и права не подвергаться пыткам в аспекте проведения эффективного расследования

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин <15>

<15> Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г., принятого 6 октября 1999 г.

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: Рейна Трухильо и Педро Аргуэльо Моралес против Мексики. Сообщение N 75/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) 21 июля 2017 г.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с его [Комитета] [О]бщей рекомендацией N 19 содержащееся в статье 1 Конвенции определение дискриминации охватывает насилие в отношении женщин, то есть насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она - женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие. Насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Эти права включают право на жизнь. В пункте е) статьи 2 Конвенции государства-участникам предписывается принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия. В соответствии с общими нормами международного права и положениями конкретных пактов о правах человека на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации <16> (пункт 9.4 Мнения).

<16> Общая рекомендация N 19 (1992) Комитета, касающаяся насилия в отношении женщин, пункты 6, 7 и 9.

В соответствии с [О]бщей рекомендацией N 28 (2010) Комитета, касающейся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции, государства-участники должны проявлять должную осмотрительность для предотвращения, расследования, судебного преследования таких актов насилия по признаку пола и наказания за их совершение (пункт 19). Если же дискриминация в отношении женщин сопряжена с нарушением других прав человека, в частности права на жизнь и физическую неприкосновенность в случаях, например, бытового и других форм насилия, то государства-участники обязаны возбуждать уголовное дело, предавать виновного (виновных) суду и назначать соответствующие уголовные наказания (пункт 34). Комитет также считает, что безнаказанность в случае совершения подобных преступлений в значительной степени способствует увековечению в обществе культуры одобрения самых экстремальных форм насилия в отношении женщин, благодаря чему совершение подобных актов не прекращается (пункт 9.5 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет напоминает, что в его заключительных замечаниях по Мексике отмечалось следующее <17>:... [С]татья 21 Общего закона об обеспечении доступа женщин к жизни без насилия определяет феминицид как крайнюю форму насилия в отношении женщин и как продукт нарушения их прав человека как в общественной, так и в личной жизни, в основе которого лежит комплекс женоненавистнических моделей поведения и который может порождать социальную безнаказанность и безнаказанность государства и являться причиной убийства женщин или других форм насильственного лишения их жизни. Тем не менее он обеспокоен неадекватностью определений преступления феминицида в местных уголовных кодексах, а также различиями между этими определениями. Он выражает свою глубокую тревогу по поводу большого и все увеличивающегося числа случаев феминицида в нескольких штатах, таких как Веракрус, Гуанахуато, Кинтана-Роо, Мехико, Нуэво-Леон, Оахака, Пуэбла, Халиско и Чьяпас, а также в городах Мехико и Сьюдад-Хуарес. Он также обеспокоен неадекватностью процедур регистрации и документального оформления убийств женщин, что подрывает надлежащее проведение расследований по делам, а также не позволяет оперативно уведомлять семьи об убийствах и проводить более полную и надежную оценку феминицида.

<17> CEDAW/C/MEX/CO/7-8, Заключительные замечания по сводному, седьмому и восьмому, периодическому докладу Мексики, 7 августа 2012 г.

Комитет также обеспокоен:... с) незначительным числом случаев насилия в отношении женщин, о которых информируются власти, поскольку женщины боятся возмездия и не доверяют властям; отсутствием стандартных протоколов расследования и преследования в рамках дел, связанных с насилием в отношении женщин, что негативно сказывается на правах жертв в плане доступа к правосудию и является причиной того, что в контексте большого числа дел виновные остаются безнаказанными, как было отмечено Межамериканским судом по правам человека в связи с делом "Кампо Алгодонеро" ("Хлопковое поле"); d) хронической безнаказанностью, обусловленной тем, как проводятся расследования, осуществляется преследование и наказываются те, кто повинен в актах насилия в отношении женщин, во всей стране (пункт

9.2 Мнения).

Комитет отмечает, что после даты оправдания лица, изначально подозреваемого в убийстве Пилар Аргуэльо Трухильо, власти государства-участника, как представляется, не предприняли никаких действий для выяснения обстоятельств преступления и установления виновного, например не взяли в разработку новые направления расследования (пункт 9.3 Мнения).

Признавая, что обязательство государства расследовать преступления является обязательством в отношении средства, а не результата, Комитет считает, что в рассматриваемом случае государство-участник не продемонстрировало, что им сделано все возможное для выполнения своих обязательств по Конвенции в плане расследования преступления, привлечения виновного или виновных к суду и назначения надлежащего уголовного наказания. Государство не смогло доказать, что в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции оно приняло необходимые меры для того, чтобы действовать с должной осмотрительностью, имея целью гарантировать проведение расследования и судебного разбирательства, и это привело к тому, что преступление остается безнаказанным, а авторы стали жертвами отказа в правосудии (пункт 9.6 Мнения).

Выводы Комитета: представленные факты... свидетельствуют о нарушении прав Пилар Аргуэльо Трухильо в соответствии с пунктами b) и c) статьи 2 и статьей 5 в сочетании со статьей 1 Конвенции (пункт 9.6 Мнения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 "Идалов против России (N 2)" (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Идаловым Т.С.-М. (далее - заявитель) в отделении полиции, следственном изоляторе, исправительной колонии и необеспечением эффективного расследования по данным фактам, а также в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания под стражей и транспортировки.

Установлено также нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции - в связи с незаконным задержанием и последующим содержанием заявителя в отделении полиции, а также незаконным и необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статьи 3 и 13 Конвенции, что он несколько раз подвергся жестокому обращению во время содержания под стражей и что расследование в ответ на его жалобы не было эффективным.

Европейский Суд отметил, что "заявитель представил четкое описание событий в отношении предполагаемых случаев жестокого обращения во время содержания под стражей. Его версия событий не противоречила представленным сторонами доказательствам. Заявитель получил множественные повреждения, и его утверждения о жестоком обращении с заключенными были достаточно весомыми для начала властями официальной проверки в каждом отдельном случае" (пункт 86 постановления).

Суд подчеркнул, что "Власти... сообщили Суду лишь о том, что расследование в отношении утверждений заявителя продолжается. Никаких документов или дополнительной информации представлено не было" (пункт 88 постановления).

Европейский Суд заключил, что "[в] свете медицинских документов, находящихся в его распоряжении... травмы, нанесенные заявителю, были достаточно серьезными, чтобы представлять собой жестокое обращение по смыслу статьи 3" (пункт 89 постановления).

В отношении эффективности расследования Суд отметил, что "расследование по каждому инциденту, связанному с жестоким обращением, на которое подал жалобу заявитель, все еще находится на рассмотрении, продолжительность расследования составляет от четырех до семи лет... [В]ласти не выполнили свое обязательство по проведению эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, как того требует статья 3 Конвенции... Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части ее процедурного аспекта" (пункты 94 - 95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на статью 3 и 13 Конвенции, на условия его содержания под стражей и транспортировки.

В отношении условий содержания заявителя под стражей в изоляторе временного содержания и следственном изоляторе, Суд установил, что он содержался в переполненных камерах и пришел к выводу, что "заявитель подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции" (пункт 109 постановления).

В отношении условий транспортировки заявителя, Суд также установил нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 112 постановления).

Одновременно Суд пришел к выводу, что "заявитель не имел эффективного средства правовой защиты, позволяющего ему жаловаться на условия его содержания под стражей и транспортировки. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции" (пункт 115 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его арест и последующее содержание под стражей противоречат положениям статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "заявитель был задержан в ходе проведения специальной операции областным отделом полиции по борьбе с организованной преступностью, как установлено национальными судебными органами. Операция была направлена на заявителя, в частности, как лицо, подозреваемое в вымогательстве денег... После ареста, специализированное полицейское подразделение выдвинуло обвинения и содержало заявителя под стражей [в связи с] административн[ым] правонарушени[ем] (несоблюдение законного распоряжения полиции)" (пункт 123 постановления).

Суд подчеркнул, что "[х]отя арест и последующее содержание под стражей за несоблюдение приказа полиции обычно подпадают под действие подпункта "b" пункта 1 статьи 5 Конвенции... заявитель был лишен свободы для целей его представления перед компетентным органом по подозрению в совершении преступления, а именно вымогательства. Таким образом, его лишение свободы с 16 по 17 июля 2008 г. подпадает под действие подпункта "c" пункта 1 статьи 5 Конвенции. Даже принимая в установленном порядке тот факт, что в ходе специальной операции заявитель действительно отказался представить сотрудникам полиции свой документ, удостоверяющий личность, оказывал сопротивление при задержании и пытался скрыться, решение властей о рассмотрении поведения заявителя как административного правонарушения не могло... освободить сотрудников полиции от необходимости соблюдения процессуальных гарантий, связанных с фактическим статусом заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления" (пункт 126 постановления).

Европейский Суд отметил, что "сразу после ареста заявитель был подвергнут обыску, а полиция обнаружила у него героин. Тем не менее, заявитель оставался под стражей по административным обвинениям еще на следующий день до того, как против него было возбуждено соответствующее уголовное дело. Обвинения в вымогательстве предъявлено не было" (пункт 127 постановления).

Суд подчеркнул, что "ситуация в данном случае создает сильное подозрение, что полиция использовала административное задержание для обеспечения наличия заявителя в качестве подозреваемого в совершении преступления, но сделала это без защиты его процессуальных прав, в частности, права на юридическую помощь" (пункт 128 постановления).

Европейский Суд отметил, что "такое поведение со стороны полиции помешало отправлению правосудия и было дискреционным. Тот факт, что судебные власти были осведомлены о ситуации и ничего не сделали для ее устранения, также вызывает серьезную озабоченность" (пункт 129 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "задержание заявителя 16 июля 2008 года и последующее содержание под стражей до 17 июля 2008 года не были "законными" или "в предусмотренном законом порядке". Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункт 130 постановления).

Что касается жалобы заявителя относительно того, что в нарушение применимого законодательства районный суд не уточнил срок его содержания под стражей с 18 июля 2008 г., Европейский Суд отметил, что "российские уголовно-процессуальные нормы требуют, чтобы при принятии решения относительно помещения подсудимого под стражу, суд должен указать срок содержания под стражей... [Н]евыполнение

данного требования составило "грубое и явное несоблюдение правил", которое могло бы сделать содержание заявителя под стражей дискреционным и, следовательно, "незаконным" по смыслу пункта 1 статьи 5... Следовательно,... содержание заявителя под стражей на основании судебного постановления от 18 июля 2008 г. не "соответствовало процедуре, установленной законом" (пункты 131 - 132 постановления).

Заявитель также подал жалобу относительно того, что его предварительное заключение не было обосновано и подкреплено относимыми и достаточными основаниями. Он ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции.

Суд установил, что "общая продолжительность заключения заявителя под стражей составила 1 год 5 месяцев и 2 дня" (пункт 135 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что, "не рассматривая конкретные факты или альтернативные меры пресечения, власти продлевали содержание заявителя под стражей на основаниях, которые, хотя и являются "существенными", не могут считаться "достаточными" для обоснования содержания заявителя под стражей в течение около полутора лет. В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли судебное производство проведено с "особой тщательностью"... Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции" (пункты 139 - 140 постановления).

Заявитель также подал жалобу в соответствии со статьей 6 Конвенции относительно недопущения его к судебному разбирательству.

Европейский Суд установил, что "в последний день судебного разбирательства суд решил удалить заявителя из зала суда. В результате, некоторые доказательства были рассмотрены в отсутствие заявителя, что может поставить под вопрос общую справедливость уголовного разбирательства в отношении заявителя" (пункт 147 постановления).

Суд отметил, что "в ходе судебного разбирательства заявитель неоднократно нарушал ход разбирательства. Он сжег страницы из материалов дела, оскорблял свидетелей и других участников разбирательства, а также угрожал им, игнорируя предупреждения председательствующего судьи... [В] последний день судебного разбирательства заявитель был удален из зала суда после возобновления им недисциплинированного поведения" (пункт 148 постановления).

Суд подчеркнул, что "для надлежащего осуществления правосудия важно соблюдать достоинство, порядок и правила приличия в зале суда в ходе судебного разбирательства. Вопиющее пренебрежение со стороны подсудимого элементарными нормами надлежащего поведения не может и не должно допускаться" (пункт 149 постановления).

Европейский Суд отметил, что "поведение заявителя носило такой характер, что удаление заявителя из зала суда и продолжение его судебного разбирательства в его отсутствие было оправданным... [Д]о удаления из зала суда заявитель был полностью и явно проинформирован о том, что его поведение было ненадлежащим и неприемлемым, а также ему было сделано предупреждение о возможных последствиях нарушения дисциплины. Соответственно, у Европейского Суда не имеется никаких сомнений в том, что заявитель, сохраняя свое предосудительное поведение, отказался от своего права присутствовать на суде... [В] отношении отказа заявителя имелись минимальные гарантии. Адвокат заявителя участвовал в слушании и надлежащим образом осуществлял защиту заявителя" (пункты 150 - 151 постановления).

Суд заключил, что "нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствовало" (пункт 152 постановления).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека <18>

<18> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту, принятому в эту дату.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла. Сообщение N 2481/2014. Соображение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 17 марта 2017 г.

Тема сообщения: лишение свободы мэра за неподчинение решению суда.

Вопрос существа: произвольное задержание, условия содержания под стражей, право на справедливое судебное разбирательство, право на участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: любое принудительное содержание, будь то по уголовному обвинению или в рамках какого-либо иного режима, должно осуществляться на основании закона и в соответствии с процедурами, предписанными законом <19>. Таким образом, режим лишения свободы не должен размывать границы системы уголовного правосудия, предусматривая меры, эквивалентные уголовному наказанию, при отсутствии применимых гарантий защиты <20>. В частности, назначение чрезвычайно сурового наказания в виде тюремного заключения за неуважение к суду без достаточных разъяснений и без независимых процедурных гарантий является произвольным <21>... Комитет напоминает, что понятие "произвольности" следует толковать более широко с учетом элементов неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности <22> (пункт 7.4 Соображения).

<19> См. Замечание общего порядка N 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 14.

<20> Там же.

<21> Там же.

<22> Там же, пункт 12.

Комитет напоминает, что... право [на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным судом], признаваемое за всеми лицами в контексте рассмотрения любых предъявляемых им уголовных обвинений, также распространяется на деяния, которые являются уголовными по своему характеру и которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости <23> (пункт 7.8 Соображения).

<23> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 15.

[В] тех случаях, когда высший суд страны действует в качестве суда первой и единственной инстанции, отсутствие права на пересмотр вышестоящим судом не компенсируется тем фактом, что лицо судимо верховным судом государства-участника; такая система скорее не совместима с Пактом, кроме как если

соответствующее государство-участник сделало оговорку в этом отношении <24>. С учетом уголовного характера меры наказания, назначенной автору, Комитет считает, что в данном случае отсутствие у автора возможности добиться пересмотра приговора представляет собой нарушение пункта 5 статьи 14 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

<24> Там же, пункт 47.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобы автора о том, что вынесенный ему приговор к тюремному заключению за неподчинение судебному решению о применении временных мер защиты конституционных прав был принят в нарушение его права на личную свободу и права не подвергаться произвольному аресту или задержанию, предусмотренных статьей 9 Пакта. Автор утверждает, что государство-участник провело судебное разбирательство в конституционном суде и назначило ему меру наказания в виде тюремного заключения, не прибегнув при этом к уголовному судопроизводству, и что тем самым Конституционная палата Верховного суда превысила свои полномочия, поскольку за проведение расследований по подозрению в совершении преступлений и, в случае необходимости, возбуждение дела в уголовном суде отвечает прокуратура... [Г]осударство-участник заявило, что приговор за неподчинение судебному приказу был вынесен автору в порядке осуществления Конституционной палатой своих полномочий назначать наказания и был продиктован невыполнением обеспечительных мер, предписанных 12 марта 2014 г., а не в порядке уголовного преследования. Несмотря на то, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий не оговаривается, какой именно орган компетентен устанавливать факт неподчинения и в рамках какой процедуры, передача дела в уголовный суд отняла бы слишком много времени и могла оказаться неэффективной с учетом того, что прокуратура могла прекратить расследование, а уголовный суд - отклонить дело (пункт 7.2 Соображения).

Автор... утверждает, что в статье 31 Органического закона о защите конституционных прав и гарантий, на основании которой ему был вынесен приговор, регламентируются случаи неподчинения окончательным решениям, касающимся существа ходатайств о применении процедуры ампаро <25>, а не временных обеспечительных мер; что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение его обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, включая рассмотрение вопроса о назначении альтернативной меры наказания, пересмотр срока наказания и проведение психосоциальной оценки, сославшись на то, что речь не шла об "обычном уголовном разбирательстве"; что упомянутое шоссе <26> не находилось в ведении муниципальных органов власти; и что выполнить временные меры не представлялось возможным, поскольку после даты вынесения соответствующего судебного постановления на дорогах общего пользования в Сан-Диего уже не оставалось баррикад, как это было подтверждено свидетелями защиты, сотрудниками прокуратуры и Канцелярии народного защитника (пункт 7.3 Соображения).

<25> Средство для защиты конституционных прав, характерное для ряда правовых систем.

<26> Иск был подан против автора и заместителя директора муниципальной полиции в связи с предполагаемым невыполнением обязанности разобрать баррикады, возведенные жителями муниципалитета Сан-Диего, в частности на объездном шоссе Барбула-Ягуа. Ходатайство было подано в отношении муниципальных органов власти, несмотря на то, что указанное шоссе не относится к их ведению, а находится в хозяйственном ведении центрального правительства и под его контролем.

Комитет отмечает, что в данном случае обе стороны согласны признать, что в венесуэльском законодательстве предусмотрена обычная уголовная процедура, в рамках которой автор мог бы быть привлечен к ответственности за преступление, состоящее в неподчинении решению суда, хотя государство-участник и заявило, что данная процедура могла бы занять слишком много времени и оказаться неэффективным средством обеспечения временных мер защиты, и что обе стороны также указали, что в нормативном положении, на основании которого автор был осужден за неподчинение, не уточняется ни компетентный орган, ни порядок установления факта преступного деяния... Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло утверждений автора о том, что нормативное положение, на которое Конституционная палата опиралась в своем решении, регламентирует случаи неподчинения окончательным

решениям о применении процедур ампаро, а не решениям о временных мерах и что исполнительный судья, отвечавший за обеспечение обвинительного приговора, отказал автору в запрошенных им процедурных гарантиях и привилегиях, поскольку речь не шла об обычном уголовном разбирательстве. Государство-участнику также не удалось убедительным образом опровергнуть утверждения автора о невозможности выполнения указанных временных мер (пункт 7.5 Соображения).

Комитет считает, что решение приговорить автора к тюремному заключению сроком на 10 месяцев и 15 дней и отстранить его от должности мэра не имеет под собой надлежащей правовой основы и что государство-участник не смогло доказать, что мера, принятая для достижения предполагаемой цели, носила разумный, необходимый и соразмерный характер... Комитет считает, что содержание автора под стражей было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобы автора по статье 10 Пакта о том, что он содержался в одиночном заключении в штрафном изоляторе военной тюрьмы без связи с внешним миром, в камере без окон, без доступа к другим зонам общего пользования, что возможности общения были строго ограничены и что он подвергался личным обыскам. Государство-участник оспорило утверждение автора о доступе к помещениям общего пользования и о действовавшем режиме общения, но никак не прокомментировало остальные утверждения, в частности в свете заявления автора о том, что условия содержания автора и других заключенных в блоке В были зафиксированы в акте, составленном директором Управления Прокуратуры по вопросам защиты основополагающих прав и директором Национального военного дисциплинарного центра, вслед за чем практика содержания заключенных без связи с внешним миром была прервана на два дня, а затем возобновлена с новой силой, а условия содержания ухудшились. ... Комитет считает, что содержание автора под стражей в описанных условиях представляет собой нарушение статьи 10 Пакта (пункт 7.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о нарушении его права на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным судом (пункт 7.8 Соображения).

С учетом не оспоренных государством-участником замечаний автора по поводу того, что в соответствии с положением, на основании которого был вынесен обвинительный приговор, уголовная ответственность вводится за невыполнение окончательных решений по процедуре ампаро, а не решений о принятии временных мер, а также того, что в данном положении не оговаривается, какая судебная инстанция и в каком порядке компетентна устанавливать факт преступного деяния, Комитет приходит к выводу о том, что судебное разбирательство в отношении автора и вынесенный Конституционной палатой по его итогам обвинительный приговор за неподчинение приказу о принятии временных мер представляют собой нарушение права автора на разбирательство дела компетентным судом, закрепленного в пункте 1 статьи 14 Пакта (пункт 7.9 Соображения).

Что касается гарантий надлежащей правовой процедуры, то Комитет принимает к сведению не опровергнутые государством-участником утверждения автора о том, что он не был лично уведомлен о вынесенном 17 марта 2014 г. постановлении о назначении на 19 марта слушания в связи с предполагаемым неподчинением судебному решению о принятии временных мер и что на подготовку защиты у него оставались всего лишь сутки. Автор также указал, что из предъявленного им 131 доказательства к делу были приобщены всего шесть, причем одно из них было лишь частично воспроизведено в зале суда. В связи с этим Комитет считает, что описанные факты свидетельствуют о нарушении права автора на минимальные процессуальные гарантии, изложенные в пункте 3 статьи 14 Пакта (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению жалобу автора о том, что его дело рассматривалось в уголовном порядке единственной инстанцией, а именно высшим судебным органом Венесуэлы (пункт 7.11 Соображения).

[А]втор утверждает, что Конституционная палата Верховного суда произвольно отстранила его от исполнения обязанностей мэра, несмотря на то, что в соответствии со статьей 87 Органического закона об органах муниципального управления подобные решения входят в сферу компетенции муниципального совета. Государство-участник заявило, что наличие окончательного приговора служит одним из оснований полного отсутствия на посту, которое в свою очередь оправдывает смещение мэра с должности в соответствии с вышеупомянутым положением. Сделав вывод о том, что содержание автора под стражей на основании приговора, вынесенного за неподчинение судебному решению о принятии временных мер защиты, носило произвольный характер и что разбирательство по его делу было проведено с нарушением

гарантий надлежащей правовой процедуры, предусмотренных в статье 14 Пакта, Комитет считает, что смещение автора с должности мэра и фактическое поражение в праве голосовать и быть избранным представляют собой нарушение пункта b) статьи 25 Пакта (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении статьи 9; 10; пунктов 1, 3 и 5 статьи 14; и пункта b) статьи 25 Пакта (пункт 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 "Федорин против России" (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания Федорина Д.В. (далее - заявитель) в помещении отдела ФСКН России, пунктов 1 и 4 статьи 5, а также пункта 1 статьи 6 Конвенции - в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в отсутствие протокола о задержании и ненадлежащим рассмотрением областным судом жалобы заявителя на постановление о продлении срока содержания его под стражей и жалобы на приговор по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на то, что условия его содержания под стражей в помещении ФСКН нарушали статью 3 Конвенции. Заявитель утверждал, что он содержался под стражей в течение примерно 22 часов в грязной камере, в которой отсутствовали базовые удобства, необходимые для содержания под стражей. Ему также не предоставлялись еда или питье.

Европейский Суд посчитал "неприемлемым содержание лица под стражей в условиях, в которых не обеспечена возможность удовлетворения его базовых потребностей. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции" (пункты 15 - 16 постановления).

Заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, жаловался на то, что содержание его под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. было незаконным.

Европейский Суд отметил, что власти не отрицали, что задержание заявителя было официально оформлено только на следующий день и пришел к выводу о том, что "содержание заявителя под стражей с 14 по 15 октября 2009 г. осуществлялось не "в порядке, установленном законом", и что оно, следовательно, противоречит пункту 1 статьи 5 Конвенции... Соответственно, было допущено нарушение данного положения" (пункты 22 - 23 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что ему было отказано в праве на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение из-под стражи до суда в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "[з]аявитель был задержан 14 октября 2009 г. и признан виновным 12 февраля 2010 г. Таким образом, подлежащий рассмотрению период составляет чуть меньше четырех месяцев" (пункт 28 постановления).

Суд отметил, что "задержание заявителя было обусловлено наличием разумного подозрения в том, что он торговал наркотическими веществами" (пункт 29 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что "российские суды придали особое значение риску того, что заявитель может скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью. Оценка данного риска основывалась на его предыдущих судимостях, отсутствии работы и семьи. В этих обстоятельствах выводы национальных судов о том, что заявитель мог скрыться или продолжить заниматься преступной деятельностью, не выглядят необоснованными. Несмотря на то, что отсутствие у заявителя работы или семьи не могло само по себе послужить основанием для помещения его под стражу, данные обстоятельства могли укрепить опасения того, что он может скрыться" (пункт 31 постановления).

Суд также отметил, что "заявитель содержался под стражей менее четырех месяцев. Ничто в представленных материалах не свидетельствует о наличии существенного периода бездействия со стороны органов прокуратуры или суда... [К]омпетентные национальные органы продемонстрировали особую тщательность при рассмотрении дела заявителя" (пункт 32 постановления).

Европейский Суд заключил, что "нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было" (пункт 33 постановления).

Заявитель также жаловался, что ни он, ни его адвокат не присутствовали на слушании, на котором была рассмотрена его кассационная жалоба и продлено содержание под стражей.

Европейский Суд напомнил, что "отсутствие заявителя и (или) его адвоката в ходе рассмотрения кассационной жалобы влечет за собой нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции" (пункт 38 постановления).

Суд заключил, что в данном случае "имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции" (пункт 40 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, было нарушено в связи с необеспечением национальным судом участия его и (или) его адвоката на слушании, на котором была рассмотрена кассационная жалоба.

Европейский Суд отметил, что "в российской правовой системе отсутствие заявителя и (или) адвоката при рассмотрении кассационной жалобы нарушает принцип равенства сторон" (пункт 45 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что "рассмотрение кассационной жалобы проходило в отсутствие заявителя и его адвоката, в то время как в зале суда присутствовал прокурор, который представлял свою позицию устно" (пункт 46 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "в данном отношении имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции" (пункт 47 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 40979/04 "Трутько против России" (вынесено 6 декабря 2016 г., вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным заключением Трутько М.А. (далее - заявительница) в целях ее судебно-психиатрического обследования и незаконным содержанием ее в психиатрическом учреждении.

Заявительница жаловалась на то, что ее пребывание в психиатрическом учреждении с 9 по 13 апреля 2004 г. с целью проведения судебно-психиатрической экспертизы в стационаре было нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Власти утверждали, что пребывание заявительницы в психиатрическом учреждении с целью проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы было осуществлено в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством. Было отмечено, что заявительнице была предоставлена возможность обжалования решения городского суда и предоставления своих аргументов во время слушания в кассационной инстанции.

Европейский Суд установил, что "[в] настоящем деле стороны не оспаривали, что исполнение судебного решения о судебно-психиатрической экспертизе заявительницы было связано с лишением свободы" (пункт 32 постановления).

Суд отметил, что "[б]ольшинство дел, связанных с принудительной госпитализацией, были рассмотрены в соответствии с пунктом 1 (е) статьи 5 Конвенции, которая допускает задержание лиц "душевнобольных". Несмотря на значительную степень сходства между этими делами и настоящим делом, очевидно, что настоящее дело подлежит рассмотрению в соответствии с пунктом 1 (b) статьи 5 Конвенции, в котором предусматривается *inter alia* <27>, в частности, задержание за неисполнение судебного решения, вынесенного в этот же день на основании ходатайства прокурора от 4 ноября 2003 года о необходимости прохождения экспертизы заявителем, и после серии переносов судебных заседаний, заявительница была задержана в соответствии с решением суда 9 апреля 2004 года. В отношении лица, которому судом была назначена принудительная психиатрическая экспертиза, цель содержания под стражей в соответствии с подпунктом (b) пункта 1 статьи 5 Конвенции, заключалась в обеспечении исполнения судебного решения о прохождении заявителем психиатрической экспертизы, которая, по мнению компетентных национальных органов, была необходима в целях определения страдает ли человек каким-либо психическим расстройством. Именно в этом и состоял смысл судебного решения, вынесенного городским судом 4 ноября 2003 г." (пункт 33 постановления).

<27> Среди прочего.

Суд также установил, что "судебно-психиатрическая экспертиза заявительницы была назначена компетентными национальными органами во время досудебного расследования предполагаемого оскорбления судей и неуважения к суду. 4 ноября 2003 г. городской суд вынес решение о проведении экспертизы заявительницы со ссылкой на статью 165 Кодекса <28>, которая требует судебного решения на определенные следственные действия и пункта 2 статьи 203 Кодекса <29>, что позволяет подозреваемому быть задержанным с целью психиатрической экспертизы. Нет никаких доказательств того, что заявительница или ее представители были уведомлены о заседании, в то время как прокурор и следователь присутствовали и делали устные заявления" (пункт 37 постановления).

<28> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

<29> Там же.

Европейский Суд подчеркнул, что он не сомневается, что "необходимые требования уголовного расследования могут оправдать *ex parte* <30> слушания по судебному разрешению определенных следственных действий в соответствии со статьей 165 Кодекса <31> (например, домашний и личный обыск и перехват корреспонденции). В этом контексте слушание *ex parte* служит для повышения эффективности расследований и сдерживает вероятность того, что доказательства были подделаны или уничтожены. Однако помещение лица в медицинское или психиатрическое учреждение для судебно-медицинской экспертизы, по-видимому, не подпадает под категорию, к которой вышеуказанные соображения могут быть применены в равной степени" (пункт 38 постановления).

<30> Без уведомления или в отсутствие другой стороны.

<31> Там же.

Суд отметил, что "вышеупомянутые следственные меры включают содержание в специализированном медицинском учреждении, лишение свободы, которое в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции должно быть защищено от произвола. Важность гарантий в этом контексте еще больше усиливается тем фактом, что помещение в специализированное медицинское учреждение часто приводит к вмешательству в личную жизнь и физическую неприкосновенность личности посредством медицинских вмешательств против воли человека" (пункт 39 постановления).

Европейский Суд посчитал, что "[в] настоящем деле заявительница не была уведомлена и не имела возможности участвовать или присутствовать на слушании от 4 ноября 2003 г. в городском суде по вопросу ее помещения в психиатрическое учреждение. Национальный суд удовлетворил ходатайство следователя, не сочтя необходимым вызвать заявительницу или рассмотреть вопрос отсутствия заявительницы и дать какое-либо заключение по данному вопросу, приведшему к такому явному последствию судебного решения, как лишение свободы" (пункт 41 постановления).

Суд установил, что "заявительница могла обжаловать судебное решение от 4 ноября 2003 г. Однако она была задержана властями 9 апреля 2004 г. и помещена в Центр судебной психиатрии и освобождена через пять дней после того, как ее принудительная судебно-психиатрическая экспертиза была завершена. Кассационное заседание в областном суде состоялось через две недели 27 апреля 2004 г. Довод заявительницы об ее отсутствии на слушании в городском суде был отклонен со ссылкой на статьи 165 и 203 Кодекса <32>" (пункт 42 постановления).

<32> Там же.

Европейский Суд отметил, что "Конституционный Суд Российской Федерации в определении N 206-О от 18 июня 2004 года, пришел к выводу, что суд не может выносить постановления в соответствии со статьей 203 Кодекса <33>, не предоставляя подозреваемому и/или его представителю возможность быть заслушанным <34>" (пункт 43 постановления).

<33> Там же.

<34> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. N 206-О "По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации".

Суд посчитал, что "разбирательство, приведшее к пятидневному содержанию заявительницы в Судебно-психиатрическом центре, не соответствовало требованию статьи 5 Конвенции, поскольку ее задержание было произвольным... Хотя статья 165 Кодекса действительно предусматривает проведение ex parte слушаний по соответствующим ходатайствам, ничто в материалах сторон не указывает на то, что российским судам было бы запрещено вызывать заявительницу, если они сочли необходимым ее присутствие. Кроме того, в вышеуказанном определении Конституционного Суда Российской Федерации четко указано, что внутреннее законодательство - статья 203 Кодекса <35> - предусматривает участие подозреваемых в слушаниях" (пункт 44 постановления).

<35> Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Европейский Суд пришел к выводу, что "[в] настоящем деле заявительница не только не смогла представить свои доводы против ее задержания до вынесения соответствующего решения суда, но и национальные суды предпочли пренебречь аспектом лишения свободы даже после того, как вопрос об отсутствии заявительницы на заседании был поднят в кассационной инстанции... [С]одержание заявительницы в заключении с 9 по 13 апреля 2004 г. было произвольным по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции" (пункты 45 - 46 постановления).

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 "Идалов против России (N 2)" (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей. Постановления по жалобе N N 9070/14 и др. "Меметов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), N N 68433/10, 55250/13 и 44979/14 "Соловьев и другие против России" (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N N 54675/12, 76168/12, 56974/13, 10613/14, 18259/14, 36650/14, 12127/15 и 22190/15 "Музыченко и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N N 73864/10, 402/14, 5312/14, 6122/14, 8839/14, 10032/14, 14402/14, 18003/14, 19701/14, 23028/14 и 14573/15 "Мальков и другие против России" (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N 9536/10 "Федорин против России" (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г. (приведено выше)).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 20758/04 "Турьев против России" (вынесено 11 октября 2016 г., вступило в силу 11 января 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции - в связи с нарушением принципа презумпции невиновности, выразившимся в заявлениях прокурора в СМИ о виновности Турьева С.А. до вынесения приговора по его уголовному делу.

Заявитель жаловался на нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции, а именно, что прокурор в интервью газете до вынесения решения суда предопределил, что заявитель будет осужден.

Европейский Суд подчеркнул, что "[п]ункт 2 статьи 6 [Конвенции] ограничивает должностные лица в объявлении человека виновным до вынесения приговора судом. Официальные лица могут доводить до общественности информацию о проведении уголовных расследований, например, репортажи о подозреваемых, арестах и признательных показаниях, если они делают это тактично и осмотрительно" (пункт 19 постановления).

Суд установил, что "[с]лова прокурора, напечатанные в [газете], были далеки от тактичности или осмотрительности. Он определил заявителя по его имени и фамилии и обозначил его как "убийцу" одной жертвы и "соучастником в убийстве" другой жертвы. Это больше, чем... простые факты, обнаруженные в ходе расследования, это безоговорочное объявление виновным" (пункт 20 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "слова прокурора, исходящие от властей, особенно убедительны в глазах общественности. Откровенные комментарии прокурора были четким заявлением о виновности заявителя, которое, во-первых, призвало общественность поверить в его виновность и, во-вторых, предвосхитило оценку фактов компетентным судебным органом... [Р]уководство прокурора нашло интервью неэтичным... Таким образом, имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции" (пункты 21 - 23 постановления).

См. также вышеприведенные Сообщение Комитета по правам человека от 17 марта 2017 г. по делу Винченцо Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла; постановление Европейского Суда по жалобе N 41858/08 "Идалов против России (N 2)" (вынесено 13 декабря 2016 г., вступило в силу 13 марта 2017 г.); постановление Европейского Суда по жалобе N 9536/10 "Федорин против России" (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

Вопросы выдачи

Решение Европейского Суда по жалобе N 52286/14 "Абдулажон Исаков против России" (решение вынесено и вступило в силу 28 июля 2016 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба представителя А.М. Исакова на предполагаемое похищение указанного лица.

Адвокат заявителя утверждала, что А.М. Исакова похитили представители государства, которые затем вывезли его в Узбекистан, где он мог быть подвергнут обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Она также утверждала, что предполагаемое перемещение А.М. Исакова в Узбекистан свидетельствует о нарушении статьи 34 Конвенции, поскольку Власти не выполнили указание Европейского Суда, данное им в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Власти утверждали, что они не располагают сведениями о местонахождении А.М. Исакова, что установить его истинные намерения или удостовериться в надлежащем представлении его интересов Н. Ермолаевой, которая не предоставила действующей доверенности в ходе разбирательства в Европейском Суде, практически невозможно. Они также обратили внимание на то, что указанную жалобу могли подать родственники А.М. Исакова, как это происходит во многих делах о похищениях.

Европейский Суд подчеркнул, что "[о]бзор дел, в которых конвенционные органы в особых случаях допускали возможность для третьих лиц представлять интересы и действовать от имени уязвимого лица.. свидетельствует о наличии двух основных критериев: вероятности лишения прямой жертвы эффективной защиты его или ее прав и отсутствие конфликта интересов жертвы и интересов заявителя" (пункт 36 решения).

Суд установил, что "[п]редставленная [адвокатом заявителя] доверенность была заполнена А.М. Исаковым в связи с ранее поданной (в 2008 году) в Европейский Суд жалобой... и не может считаться действительной применительно к настоящему делу, которое затрагивает обстоятельства, наступившие после вынесения постановления по предыдущей жалобе" (пункт 38 решения).

Европейский Суд отметил, что "в первой жалобе говорилось о политических мотивах его обвинения в Узбекистане, что в случае экстрадиции он сразу окажется заключенным под стражу и что высока вероятность жестокого обращения с ним... Таким образом... А.М. Исаков может считаться уязвимым лицом, которое не в

состоянии самостоятельно подать жалобу в Суд" (пункт 40 решения).

Суд установил "наличие у А.М. Исакова в России близких родственников. Племянник А.М. Исакова обращался в местное отделение полиции с заявлением о его исчезновении, а члены его семьи наняли адвоката для представления его интересов во время судебного разбирательства на национальном уровне. Более того, во время указанных разбирательств были допрошены сын и брат А.М. Исакова" (пункт 41 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что "не усматривает в настоящем деле особых обстоятельств, которые бы давали [адвокату заявителя] право действовать от имени А.М. Исакова, и приходит к заключению, что [адвокат заявителя] не имеет права подавать жалобу от имени А.М. Исакова. Из этого следует, что данная жалоба несовместима *ratione materiae* <36> с положениями Конвенции в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35" (пункт 43 решения).

<36> Ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения.

В Верховный Суд Российской Федерации по вопросам выдачи также поступили решения Европейского Суда по правам человека по жалобам N N 39496/14 и 39727/14 "Н. и М. против России" (решение о неприемлемости, вынесено 19 мая 2016 г.), N 16208/05 "Захаров против России" (решение об отказе в принятии жалобы, вынесено 16 февраля 2017 г.) и N 76558/16 "С.Б. против России" (решение об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению Судом, вынесено 27 июля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.